

АВИЦЕННА

Целитель, мудрец, странник

Его имя Ибн Сина, но Европа зовет его Авиценна. Не злодей, не герой. Я бы сказала: интеллектуальное чудо. А его жизнь — словно перелистываешь страницы «1001 ночи». Он родился в 980 году, умер — в 1037-м. Много ездил, жил в разных местах. Скончался где-то в Иране, там и похоронен. Чем славен этот человек в истории?

Величайший медик, сравнимый с Галеном¹ и Гиппократом², выдающийся естествоиспытатель уровня Галилея, математик, физик, химик, специалист по физиологии животных. А еще он занимался теорией музыки и его познания в этой области пригодились в эпоху Ренессанса. Трудно перечислить все таланты этого человека. Подчас природа являет свои чудеса, чтобы не забывали о ее могуществе, и тогда рождаются Авиценны.

Микеланджело считал, что «лучше ошибиться, поддерживая Галена и Авиценну, чем быть правым, поддерживая других». Такая оценка, скорее морального свойства, из уст великого гуманиста многого стоит. Специалисты спорят о количестве трудов Авиценны, причем называются цифры и 90, и 456. Очевидно, ему приписываются

¹ Гален — древнеримский медик, хирург и философ греческого происхождения. — *Здесь и далее прим. ред.*

² Гиппократ — древнегреческий целитель, врач и философ. Вошёл в историю как «отец медицины».

Авиценна. Фото репродукции

подделки, подражания — талантам всегда подражают. Самая гениальная его книга — «Канон врачебной науки». Но и другие труды вошли в историю, стали классическими — «Книга спасения», «Книга знания», «Книга указаний и примечаний», «Книга справедливого разбирательства»... Он был предвестником гуманизма, ибо его учение о человеке — это учение о единстве тела и души. И когда — в XI веке! Писал Авиценна в основном на арабском языке. Но это

вовсе не означает, что он — часть арабской культуры. Наверное, с самого своего рождения он принадлежал всему миру, его труды становились достоянием всех цивилизаций.

И все-таки до сих пор спорят, чей он. Туркестан, Узбекистан, на территории которого он родился, Турция — все эти страны считают Авиценну своим достоянием. Не так давно в Турции вышла монография «Ибн-Сина — великий турецкий ученый». Персы в ответ заявляют: «Он наш. Он у нас похоронен. Он был при дворах эмиров¹». Его присутствие ощущается и в европейской культуре — уже с XII века о нем шла молва. Это был человек с всемирной известностью. И таким он остается сегодня. Когда в 1950-е годы отмечалось тысячелетие со дня его рождения, весь мир участвовал в праздновании. О нем

¹ Эмир — в некоторых мусульманских странах Востока и Африки титул правителя, князя.

написаны огромные тома, ученые до сих пор пользуются его мыслями, а обычные люди учатся у него мудрости.

Откуда мы знаем о человеке, который жил более тысячи лет назад? От него самого и его любимого ученика. И это, как кажется скептикам, дает почву для сомнений в его гениальности. Абсолютно беспочвенный скептицизм! Ибо молва начиная с XI века бережно хранила память о его талантах, что и дало основание называть его гениальным ученым. Сохранился рассказ самого Авиценны о себе, о своем детстве. Остальное дописал Убайд аль-Джурджани, его любимый ученик, который провел с ним больше 20 лет жизни. Он сопровождал своего учителя, ведь Авиценна был бесконечным странником. Нигде не задерживаясь надолго, он шел по земле, стараясь как можно больше увидеть, узнать и понять. Гудящая, волнующая, одуряющая красками, запахами, звуками, безотчетно меняющая жизнь притягивала его, становясь не только мукой, радостью или печалью, но и предметом изучения. Он рассматривал ее словно под увеличительным стеклом и видел то, что не видели другие. Попробуем понять, почему в X веке могло появиться такое чудо, как Авиценна.

Напомним, что X век — это время крещения Руси, на престоле Владимир Святославич, четвертый русский князь. А там, на Востоке, — Возрождение. Что возродилось? Да примерно то же, что и в Европе во времена Каролингского Возрождения IX–X веков. Тогда при дворе Карла Великого, при дворе германских императоров Оттонов впервые после войн и хаоса Великого переселения народов¹ интеллектуальная элита обратилась к истокам своей культуры, к Античности, к рукописям — греческим, римским.

¹ Великое переселение народов — условное название совокупности этнических перемещений в Европе в IV–VII веках.

И примерно то же самое было на Востоке. В том культурном контексте, который породил Авиценну, сплелись местные традиции с античным наследием, образуя особый эллинистический¹ вариант синтетической культуры. Авиценна родился близ Бухары. Известно, что по этим местам, чуть севернее, прошел великий Александр Македонский. Именно в Согдиане он устроил знаменитые 10 тысяч браков своих полководцев и воинов с местными восточными женщинами. Интересно, что только Селевк, один из сподвижников Македонского, сохранил свой брак и именно ему досталась самая большая часть державы. Вот эта держава Селевкидов и стала в IV веке до н. э. носителем эллинистической культуры, впитав античность. С 64 года н. э. эти края стали римской провинцией. А Рим, как известно, — прямой наследник античной греческой, или эллинистической, культуры. С III века начала формироваться Восточная Римская империя — Византия, которая находилась в тесном торговом и культурном взаимодействии с Востоком. Так сплетались разные культурные корни, но получалось, что все они испытали влияние Античности. В результате именно здесь и оказались истоки будущего восточного Возрождения.

Поход арабских завоевателей был коротким, арабов быстро прогнали. Завоевание началось в VIII веке и в том же столетии в основном и закончилось. Но язык, как это бывает в культурных процессах, остался и стал универсальным языком. Когда арабское завоевание удалось одолеть, отстояв свою культуру, тогда и начинается Возрождение.

¹ Эллинизм — условное название периода в истории Средиземноморья, хронологические рамки которого охватывают смерть Александра Македонского в 323 г. до н.э. и установление римского господства в бассейне Средиземного моря после падения династии Птолемеев в Египте в 30 году до н.э.

Авиценна был не один. Персидский Восток — родина Фирдоуси¹, Омара Хайяма², Рудаки³. На самом деле в поэзии, литературе, архитектуре и медицине знаменитых и выдающихся людей было много. Возрождались традиции древней восточной медицины, в каждом городе открывались больницы — своеобразные лечебные и исследовательские центры, где не только врачевали, но и занимались научными изысканиями, опытами, исследованиями. Появляются библиотеки — хранилища рукописей. Интеллектуальная жизнь становится напряженной и могучей. Наступает та пассионарность духа⁴, о которой говорил Лев Гумилев, и благодаря которой становился возможным прорыв в будущее.

Авиценна (его полное имя — Абу Али аль-Хусейн ибн-Абдаллах ибн Сина) родился в богатой семье. Отец, Адаллах ибн-Хасан, был сборщиком податей. Не самая уважаемая профессия, можно сказать, мытарь. Но при этом богат, образован, видимо, неглуп. Известно, что умер отец Авиценны собственной смертью, никто его не убил, не зарезал за злодеяния. Мать Ситара (что означает «звезда») происходила из маленького селения близ Бухары Афшана. В этом селении и появляется на свет Авиценна. Так звезда родила звезду.

Его родным языком был фарси-дари — язык местного населения Средней Азии. На фарси он писал четверости-

¹ Фирдоуси — персидский и таджикский поэт, считается национальным поэтом в Иране, Таджикистане и Афганистане.

² Омар Хайям — персидский и таджикский философ, математик, астроном и поэт.

³ Рудаки — таджикский и персидский поэт, певец и ученый, основоположник персидской литературы.

⁴ Пассионарная теория этногенеза Льва Гумилёва (1912–1992) описывает исторический процесс как взаимодействие развивающихся этносов с вмещающим ландшафтом и другими этносами.

шья — газели, как их называли на Востоке, — по его выражению, для «отдохновения души».

Городок, в котором он родился, был оживленным, с большим шумным базаром, куда стекалась уйма народа. Здесь были больницы и школа, в которой мальчик начал учиться, очевидно лет с пяти, потому что к его десяти годам выяснилось, что в школе ему уже делать нечего. Там изучали языки — фарси и арабский, грамматику, стилистику, поэтику, Коран, который Авиценна к десяти годам знал наизусть. Это был так называемый гуманитарный класс. Мальчик еще не приступил к изучению ни математики, ни тем более медицины. Со временем он скажет: «Медицина — очень нетрудная наука, и к шестнадцати годам я ее освоил полностью».

Конечно, в его словах можно усомниться — мало ли что может сказать про себя человек? Но семнадцатилетнего Авиценну ко двору призывает сам эмир, прося исцелить от серьезного заболевания. И Авиценна ему действительно помог. Необычный был мальчик.

В доме его отца собирались ученые люди, исмаилиты — представители одного из течений в исламе. Их рассуждения были очень похожи на ересь, со временем их и признали еретиками. Они хотели очистить Коран от невежественных наслоений, призвав на помощь философию. Опасное занятие. Маленький Авиценна присутствовал при этих беседах, но повзрослев, не принял исмаилитский образ мышления. А вот его брат увлекся этими взглядами. Авиценна же официально остался в рамках ортодоксального ислама, хотя ортодоксом никогда не был.

Итак, к десяти годам в школе ему делать было особенно нечего. И вот — счастливый случай! Отец узнает, что в Бухару приезжает известный ученый того времени Абу-Абдаллах ан-Натили, тут же едет к нему и уговаривает поселиться в его доме. Он обещает кормить его, хорошо содержать и вдобавок платить ему жалованье с условием,

что ученый станет заниматься с мальчиком. Абу-Абдаллах ан-Натили согласился, и занятия начались. Очень точно сказал о годах своей учебы сам Авиценна: «Я был лучшим из задающих вопросы». И опять ему можно поверить, занятия с Абу-Абдаллах ан-Натили это подтверждают. Довольно скоро ученик стал задавать седебородому учителю такие вопросы, на которые тот ответить не мог. А вскоре Абу-Абдаллах ан-Натили сам стал обращаться к Авиценне, к маленькому Хусейну, за разъяснениями самых трудных мест из Евклида и Птолемея, и они уже вместе искали ответы.

В 15–16 лет юноша стал учиться сам. Его озадачила книга Аристотеля «Метафизика», которая там, в далекой Средней Азии, была переведена на несколько языков и неоднократно прокомментирована. Авиценна рассказывает, что он не мог постичь эту книгу, хотя, читая много раз, почти выучил ее наизусть. Судя по его рассказам, а потом по воспоминаниям его учеников, чтение и письмо были главными занятиями его жизни, и он наслаждался ими, являя собой тип высочайшего интеллектуала, которых время от времени порождает человечество. Об аристотелевском сочинении юноша узнал совершенно случайно. Однажды на базаре, рассказывает сам Авиценна, когда он бережно перебирал свитки и рукописи, книготорговец вдруг сказал ему: «Возьми вот это замечательное произведение, — это были комментарии некоего Фабари к "Метафизике" Аристотеля. — Увидишь, какое это сокровище». Мальчик схватил эту книжку, это было то, что он подсознательно хотел найти. Авиценна был поражен, ему открылось то, над чем он сам тщетно бился. Тогда-то он и назвал Аристотеля своим учителем, проникся его представлениями о мире, мыслью о единстве и целостности бытия, сознания и духа, воспринял аристотелевские идеи о форме нашей земли, ее устройстве.

И шестнадцатилетний юноша начал заниматься... медициной. Разумеется, напрямую «Метафизика» Аристоте-

ля к этому не толкала, а косвенно — да. Возможно, мысль Аристотеля о единстве материального, телесного и духовного оказалась для Авиценны определяющей, настолько важной, что привела его к делу всей жизни.

Когда Авиценна излечил эмира Бухары, тот разрешил ему пользоваться своей библиотекой. Надо сказать, что Авиценна лечил бесплатно, и награды более ценной для него не существовало. Книги, рукописи и свитки хранились в сундуках, в каждом — по какому-нибудь одному предмету или науке. И сундуки эти занимали много комнат. В городе говорили, что он просто с ума сошел от счастья. В своих воспоминаниях Авиценна написал, что «видел такие книги, которые потом не видел никто». Почему? Скоро библиотека сгорела. И злые языки распускали слухи, что это он, Авиценна, сжег библиотеку, чтоб никто больше не прочел эти книги и не смог сравниться с ним в мудрости. Трудно придумать большей глупости! Книги были для него святыней. Как мог он сжечь их!

С 18 лет Авиценна совершенно осознанно посвящает свою жизнь занятиям наукой. Он много пишет, и слава о нем крепнет. В 20 лет его приглашают на постоянную службу к хорезмшаху¹ Мамуну II² в Хорезм³. Мамун II был одним из лучших представителей сильных мира сего и, безусловно, лучший из тех, кого на своем пути встречал Авиценна. Этого правителя можно сравнить, пожалуй, с Лоренцо Великолепным. Он также собирал при дворе

¹ Хорезмшах — древний хорезмийский монархический титул, который носили представители династий государей Хорезма с IV по XIX век.

² аль-Мамун (813–833) — багдадский халиф из династии Аббасидов, астроном. Мамуниды — последняя ираноязычная династия, правившая в Хорезме.

³ Хорезм — древнее государство и регион Центральной Азии, с центром в низовьях реки Амударья.

*Авиценна. Экспонат музея
Авиценны в Бухаре.
Фото репродукции*

выдающихся людей, приглашал их отовсюду и не скупился в деньгах, считая развитие культуры и науки делом первостепенным. Он, так же как Лоренцо, создал кружок, который назвали Академией Мамуна¹. Там шли постоянные диспуты, в которых принимали участие многие, в том числе и Бируни², но побеждал почти всегда Авиценна. Слава его росла, он много работал, его почитали, признавая во всем его авторитет. Он был счастлив.

И вот тут на горизонте его жизни появляется роковая фигура — султан Махмуд Газневи³, создатель Газне-

¹ Имеется в виду Дом мудрости — исламская академия, основанная в 20-е годы IX века в Багдаде.

² аль-Бируни — средневековый персидский ученый-энциклопедист и мыслитель, автор многочисленных капитальных трудов по различным наукам своего времени.

³ Махмуд Газневи (980–1030) — тюркский эмир и падишах государства Газневидов. В его державу входили земли Афганистана, части Ирана, Индии и Средней Азии, в том числе современных Узбекистана и Таджикистана.

вийского султаната. По происхождению он был из числа гулямов, так назывались рабы-воины тюркского происхождения. Вот уж поистине из рабской грязи — в большие князи! Такие люди отличаются особенной спесью, обостренным честолюбием, своеволием, распущенностью. Прослышав, что в Бухаре собран цвет культуры, Махмуд пожелал, чтобы весь этот ученый круг был отдан ему. Правитель Хорезма получил приказ: «Немедленно всех ученых ко мне» — туда, в Персию, в нынешний Иран — послушаться было невозможно. И тогда правитель Хорезма сказал поэтам и ученым: «Уходите, бегите с караваном, ничем больше я не смогу вам помочь...» Авиценна со своим другом тайком ночью бежали из Хорезма, решив перейти через Каракумскую пустыню¹. Какое мужество, какое отчаяние! Ради чего? Чтобы не пойти в услужение к Махмуду, чтобы не унизиться и показать: ученые не прыгают по команде, как дрессированные обезьянки.

В пустыне его друг умер от жажды — не перенес перехода. Авиценна выжил. Теперь он снова оказался в западном Иране. Некий эмир Кабус, сам блестящий поэт, собравший вокруг себя великолепное литературное созвездие, радостно принял Авиценну. Как похожи между собой деятели Возрождения, будь то в Италии или на Востоке! Для них главное — жизнь духа, творчество, поиски истины. На новом месте Авиценна начал писать свой величайший труд «Канон врачебной науки». Жил он в купленном для него доме — казалось бы, вот оно, счастье! Но жажда к перемене мест, страсть к путешествиям, к новизне гнала его всю жизнь с мест насиженных и спокойных. Вечный странник! Он опять уходит, снова странствует по землям нынешнего, центрального Ирана.

¹ Каракум — песчаная пустыня на юге Средней Азии, покрывающая большую часть Туркмении.

Почему не остался у Кабуса? Среди своего круга людей, в собственном доме, не зная нужды и гонений?

Около 1023 года он останавливается в Хамадане, в центральном Иране. Излечив очередного эмира от желудочного заболевания, он получает неплохой «гонорар» — его назначают визирем¹, министром-советником. Кажется, о чем еще можно мечтать! Но ничего хорошего из этого не вышло. Дело в том, что к службе он отнесся честно, тщательно вникал в детали и, как человек чрезвычайно умный и образованный, стал делать реальные предложения по части преобразования системы правления и даже войска — вот что удивительно! Но предложения Авиценны оказались совершенно не нужны окружению эмира. Там были свои министры обороны! Среди придворных плетутся интриги. Вспыхивает зависть и злоба — ведь врач всегда так близок к правителю!

Дело начинало принимать плохой оборот, стало ясно, что он в опасности. Некоторое время он скрывался у друзей, но ареста ему избежать не удалось. А тут сменился правитель, и сын нового правителя захотел иметь Авиценну около себя — слава его была слишком велика, а практические медицинские умения хорошо известны. Он провел в тюрьме четыре месяца. Его заточение не было безнадежно тяжким, ему разрешали писать. Выйдя на свободу, он вместе с братом и своим преданным учеником вновь отправляется в путь. И оказывается в глубинах Персии, Исфахане.

Исфахан — крупнейший город своего времени с населением около 100 тысяч человек, шумный, красивый и яркий. Авиценна провел там немало лет, став приближенным эмира Ала уд-Даула. Снова его окружает куль-

¹ Визирь — титул министра или чиновника высшего ранга в государствах и странах мусульманского Востока.